

Многослойные бинты пропитались кровью. Под алым верхом это было не так заметно, но теперь зрелище становилось пугающим. Янь Сяохань наклонился, поднял его, осторожно согнул ему ноги и усадил в деревянную кадку, доверху наполненную горячей водой. Вода хлынула через край, обдав его с головы до ног, но он и не думал обращать внимание на неподобающий вид:

— Маркиз... Фу Шэнь?

Его пальцы случайно скользнули по шее Фу Шэня, отодвинув чёрные волосы и обнажив бледный шрам у самой артерии. Место было настолько опасным, что по спине пробежали мурашки. Будь рана хоть чуть глубже, этот человек вряд ли лежал бы сейчас целый и невредимый в кадке.

Лишь сегодня Янь Сяохань узнал, сколько шрамов покрывало тело Фу Шэня. Старые и новые, никогда не явленные миру, не вписанные в летописи, они навеки врезались в плоть, скрываясь за славой маркиза, завоеванной в юности, за годами, полными отваги и дерзновения.

И он вдруг понял, что Фу Шэнь имел в виду, говоря «душа не принимает».

Если бы он не верил государю, не взвалил на плечи бремя Поднебесной, зачем бы ему снова и снова облачаться в тяжёлые доспехи и выходить на поле брани? Разве покровительства трёх герцогов было бы недостаточно, чтобы обеспечить беззаботную жизнь изнеженному молодому аристократу?

Янь Сяохань подозвал слугу из соседней комнаты и указал на маркиза в кадке:

— Присматривай, чтобы не ушёл под воду.

В помещении для омовений стояла ширма, разделявшая пространство надвое. Янь Сяохань прошёл в другую часть, быстро ополоснулся, вытер волосы полотенцем, собрал их шпилькой на макушке и, переодевшись, вернулся к Фу Шэню. Слуга никогда не видел, чтобы хозяин так заботился о ком-либо, и про себя крайне удивлялся.

Жар затуманил сознание Фу Шэня, лишь малая часть его оставалась ясной. Ощущение, будто он из ледяного дождя вдруг погрузился в тёплую воду, было столь приятным, что клонило в сон. Но через некоторое время его вдруг приподняли, и знакомый голос прозвучал у самого уха:

— Протяни руки, обними меня за шею.

Аромат сандалового дерева медленно разливался в воздухе, будоража сознание чем-то неуловимым.

Фу Шэнь, словно замороженный, протянул руки. Тот, кто держал его за плечи, слегка надавил, и с плеском воды его вынесли на поверхность.

В миг, когда тело покинуло тёплую воду, холод атаковал со всех сторон. Фу Шэню почудилось, будто его снова швырнули в беспощадный ливень, на пустынную, промозглую землю. Он невнятно простонал, инстинктивно затрепыхался, пытаясь свернуться в клубок.

Янь Сяохань едва не рухнул в воду от его внезапного движения, но, отбросив досаду, разглядел, что тот делает, и поспешно развернул одеяло, чтобы укутать его:

— Всё хорошо, не дёргайся. Всё ещё зябнешь?

Фу Шэнь что-то пробормотал. Янь Сяохань не разобрал, наклонился ближе:

— М-м?

Фу Шэнь умолк. Руки и ноги его медленно распрямились в тёплом одеяле, но брови по-прежнему были сведены, словно он из последних сил сдерживал боль. Янь Сяохань, пристально вглядываясь в его лицо, осторожно спросил:

— Где-то болит?

Фу Шэнь издал горловой, нечленораздельный звук. Янь Сяохань, собиравшийся помочь ему одеться, теперь и вовсе боялся пошевелиться, опасаясь задеть какую-нибудь старую рану. Как раз в этот момент доложили о прибытии Шэнь Ицэ, и Янь Сяохань перенёс Фу Шэня в спальню, не вынимая из одеяла.

Шэнь Ицэ, увидев, как тот входит с кем-то на руках, да ещё с распущенными волосами и без одежды, едва не лишился дара речи:

— Это... это... это...

— Хватит «это», это маркиз Цзиннин, — Янь Сяохань уложил Фу Шэня на свою кровать. — Промучился на коленях под дождём без малого час, потерял сознание от жара. Посмотри, можно ли ещё спасти.

Шэнь Ицэ подумал, что в последнее время маркиз Цзиннин появлялся как-то уж слишком часто, но углубляться не стал. Нащупывая пульс, он спросил:

— Что случилось? Он же и ходить-то не может, с чего это вдруг на колени под дождём встал? Господин, вы тоже промокли? Велите приготовить имбирный отвар.

Янь Сяохань раздражённо махнул рукой, не желая касаться этой темы.

Шэнь Ицэ, будучи человеком понятливым, более не расспрашивал, сосредоточившись на пациенте. Прощупав пульс на обеих руках, приподняв одеяло и осмотрев ноги, он выписал три рецепта, велел слуге приготовить снадобья, сам же, омыв руки крепким вином, приступил к замене бинтов на ногах Фу Шэня.

Янь Сяохань, хмурясь, спросил:

— Он только что жаловался на боль. Может, есть ещё раны?

Шэнь Ицэ заподозрил, что у инспектора от осенних дождей мозги размокли, и терпеливо объяснил:

— Простоять на коленях на земле целый час не выдержат и железные колени, не то что его, раздробленные. К тому же, раны, размокшие в воде, воспаляются и болят. И ещё... — он указал на окно, — Люди, прошедшие войну, как маркиз Цзиннин, больше всего боятся вот такой погоды. Полагаю, старых ран у него предостаточно. По правде говоря, если бы это был обычный человек, он бы уже катался по полу от боли.

Янь Сяохань тихо отозвался:

— Обычный человек и не стал бы им.

Надел доспехи, ещё не успев совершить обряд совершеннолетия, добыл себе громкую славу на поле боя, годы хранил покой на северных рубежах, избежал множества явных и тайных стрел, но не смог увернуться от удара в спину.

Честно говоря, когда император Юаньтай предложил ему принять командование Железной кавалерией Бэйянь, на миг Янь Сяохань и впрямь дрогнул. Пусть Стража Летящего Дракона обладала высоким положением и властью, но снискала лишь всеобщую ненависть при дворе. Императорская гвардия, хоть и почётна, всё же не лучшее место для свершения великих дел.

Какой мужчина не мечтал бы, подобно Фу Шэню, возглавить Железную кавалерию Бэйянь, мчаться по полю брани и сокрушать дерзких врагов? Кто не задумывался: «А будь на моём месте...», как бы я осуществил свои замыслы, какие подвиги совершил?

Но разве удержаться на посту командующего армией Бэйянь можно лишь благодаря удаче?

Янь Сяохань понимал, что не сможет заменить Фу Шэня. Второго такого в мире не будет. Жаль, император Юаньтай этого не осознавал.

Великая стена, что не пала под натиском врагов, оказалась разобрана по кирпичику своими же.

— Господин, — Шэнь Ицэ, пока Янь Сяохань предавался размышлениям, ловко завершил перевязку и поднялся. — Хоть вы, быть может, и не горите желанием брать на себя эти хлопоты, но как лекарь я обязан высказаться. Раны маркиза Цзиннина, боюсь, оставят след на всю жизнь. Два приступа жара, один опаснее другого. Его тело больше не вынесет никаких испытаний.

— Пусть вы с ним не в ладах, но он всё же... герой. Если можете ему помочь — не давайте ему бороться в одиночку. По крайней мере, не допускайте больше таких случаев, как сегодня, когда он часами стоит на коленях под ливнем.

На лице Янь Сяоханя не читалось ни радости, ни гнева. Он лишь спросил:

— Насколько я помню, вы с Фу Шэнем не близки. И раньше я не слышал, чтобы вы заступались за пациентов.

— Считите, что я лезу не в своё дело, — Шэнь Ицэ собрал разложенные на столе инструменты и закрыл ларец с лекарствами. — С маркизом у меня и вправду нет особой связи. Просто порой кажется, что пока маркиз Цзиннин жив и здоровствует, в столице будет спокойно, а нам, ханьцам, не придётся выживать под копытами варваров.

Тут Янь Сяохань вспомнил, что Шэнь Ицэ родом из Сюаньфу — места, что некогда было захвачено восточными татарами, а затем отвоёвано Железной кавалерией Бэйянь.

Он не стал отвечать, поднялся и проводил Шэнь Ицэ. Молча пройдя по извилистым галереям до главного двора, Шэнь Ицэ остановился и, сложив руки, попрощался:

— Господин, не провожайте.

— Цзичжи, — Янь Сяохань окликнул его, взгляд его был тёмным. — Раны Фу Шэня... насколько ты уверен, что сможешь поднять его на ноги?

Шэнь Ицэ горько усмехнулся:

— Господин, вы слишком высокого мнения о моих способностях.

— Говори как есть, — сказал Янь Сяохань. — Не приукрашивай. Хочу знать правду.

Шэнь Ицэ долго колебался, прежде чем крайне осторожно изрёк:

— Один-два шанса из десяти. Срастить перелом — дело нехитрое. Но повреждены сухожилия, особенно коленные чашечки — раздроблены. Восстановление может занять три, а то и пять лет. Денег и снадобий уйдёт — не счесть, но главное — нужен постоянный уход. И даже тогда успех не гарантирован.

Но даже призрачная надежда лучше полного отчаяния.

Янь Сяохань кивнул, приняв решение:

— В таком случае, с завтрашнего дня лечение ран маркиза Цзиннина — твоя забота. Все осмотры и процедуры — в моей резиденции.

Шэнь Ицэ изумился:

— Господин?!

— Не удивляйся. Рано или поздно ты бы всё равно узнал, — бесстрастно произнёс Янь Сяохань.
— Только что государь издал указ о даровании брака между мной и маркизом Цзиннин.

Словно гром среди ясного неба. Шэнь Ицэ застыл на месте, остолбенев.

Спустя мгновение в главном дворе резиденции Янь раздался оглушительный вопль:

— Да государь с ума сошёл?!

Высокая температура не спадала с вечера до глубокой ночи. Лишь к полуночи Фу Шэнь наконец пришёл в себя окончательно.

<http://bllate.org/book/15271/1347939>